

Fraissinet E. Первый период христианства в Японии: [Из кн.: *Le Japon. Histoire, descriptions. Rapports avec les Européens. Expédition Américaine.* Paris, 1853] / Пер. В. Л. Тихомирова; примеч. Л. А. Тихомирова // Богословский вестник 1905. Т. 1. № 1. С. 124–156 (2-я пагин.).

ПЕРВЫЙ ПЕРИОДЪ ХРИСТИАНСТВА ВЪ ЯПОНИИ.

Посольство Японскихъ христіанскихъ князей къ папѣ Григорію XIII.

Папа Григорій XIII жаловалъ Іезуитовъ за время своего Первосвященничества многими милостями. Такъ онъ имъ передалъ римскую Коллегію, оконченную два года тому назадъ, чтобы показать какъ онъ цѣнитъ услуги, оказанныя имъ Обществомъ Церкви и Святому Престолу. Достопочтенные отцы со своей стороны всячески старались отблагодарить своего благодѣтеля.

При Климентѣ VII португальскій священникъ Францискъ Альварецъ направилъ къ Папѣ посольство короля Абиссиніи. Іезуитамъ хотѣлось доставить Григорію XIII подобнаго же рода зрѣлище и, по образцу древнихъ, возложить предъ нимъ трофей изъ духовной Японской добычи, отвоеванной у язычества и съ триумфомъ приведенной въ нѣдра римской Церкви.

По прибытіи Іезуитовъ на Японскіе острова, вѣсть о множествѣ обращенныхъ ими ко Христу быстро разнеслась по всему свѣту, вездѣ производя большую сенсацію и создавая нарождающемуся обществу Іезуитовъ прочную репутацію. На нихъ стали смотрѣть какъ на лучшихъ тружениковъ нивы Господней. Желая поддержать такое мнѣніе Церкви и всего міра объ ихъ успѣхахъ, а также почитать Папу, отецъ Валинано, Главный Наблюдатель Ордена въ Японіи, посовѣтывалъ христіанскимъ князьямъ этой Имперіи отправить къ Святому Отцу блестящее посольство.

Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что Японцы никакъ не могли представить себѣ, чтобы на свѣтѣ существо-

вали страны, идущія въ сравненіе съ ихъ родиной, или чтобы нашелся народъ равный имъ по уму, ловкости и мужеству. И чѣмъ больше чудесъ рассказывали миссіонеры о Европѣ, тѣмъ меньше Японцы соглашались вѣрить, что здоровыслящій человѣкъ способенъ былъ покинуть столь прекрасныя страны, отказавшись отъ столькихъ благъ, которыми совершенно безупречно могъ пользоваться, и вмѣсто того бѣжать на край свѣта, гдѣ долженъ вести жизнь, полную нищеты и лишеній. Вотъ почему это путешествіе казалось полезнымъ Главному Наблюдателю Іезуитовъ. Онъ надѣялся излечить Японцевъ отъ ихъ тщеславнаго самоиѣнія и подтвердить справедливость рассказовъ проповѣдниковъ Евангелія.

Вельможи, облеченные этою миссіей, были: Манціо, внукъ короля Хіунги, отъ имени Дона Франциско, короля Бунго, и Михайль Сингива, отъ имени своего дяди Протея (*Protais*), короля Аримы и Вареоломея, короля Омуры. Всѣ эти князья по своему обращеніи перемѣнили языческія имена на имена христіанскихъ святыхъ. Читатели помнятъ, что король Омуры первый изъ нихъ разрушилъ идольскіе храмы. Двое молодыхъ вельможъ изъ лучшихъ Японскихъ фамилій, Юліанъ Накаура и Мартинъ Хара, сопровождали пословъ. Японскіе вельможи обыкновенно окружаютъ себя многочисленною свитою. Но въ данномъ случаѣ это сочтено было неудобнымъ и имъ позволили взять съ собою лишь нѣсколько пажей, такъ какъ долгое путешествіе угрожало слишкомъ многими случайностями на сушѣ и на морѣ; особенно легко могли бы захватить ихъ корсары и языческіе князья, если бы замѣтили ихъ съ многочисленною свитою.

Путешествіе посланниковъ было продолжительно и бурно. Оно можетъ дать понятіе о трудностяхъ и опасностяхъ, съ которыми сопряжено было въ то время мореплаваніе. Претерпѣвъ страшныя бури въ Японскомъ морѣ, они девять мѣсяцевъ напрасно дожидались въ Макао какого-нибудь корабля, который бы ихъ перевезъ въ Европу. Наконецъ имъ пришлось снова сѣсть на свой прежній корабль и отплыть съ двумя другими купеческими судами, гораздо большей вмѣстимости.

Въ этотъ второй періодъ путешествія послы подвергались еще большимъ опасностямъ, чѣмъ въ первый. Ихъ корабль едва не погибъ у залива Айнанскаго, гдѣ находятся чрезвы-

чайно опасныя песчаныя мели. Вторично они чуть не потерпѣли крушенія въ виду Малакки. Одинъ изъ сопровождавшихъ ихъ кораблей былъ выброшенъ на берегъ и разграбленъ прибрежными жителями, исповѣдовавшими магометанство.

Южнѣе Малакки жара стала удручающей. Насталъ штиль, при которомъ она была еще невыносимѣе. Какъ извѣстно, штиль часто замѣчается въ этихъ краяхъ при особенно повышенной температурѣ.

Вслѣдствіе этого наши путешественники отправились въ Кохингину сухимъ путемъ. Отсюда они пріѣхали въ Гоа, гдѣ ихъ принялъ со всеѣмъ великолѣпіемъ Португальскій вице-король Индіи, Донъ Францискъ Маскаренасъ, который имъ далъ хорошо снаряженный корабль для дальнѣйшаго плаванія въ Европу.

Но это не былъ еще конецъ ихъ тревоженіямъ. Нужно было еще избѣгнуть тогда мало извѣстные рифы св. Лаврентія, пристать къ берегу Наталя, гдѣ суда часто терпѣли крушенія, и, получивъ въ корабль течъ у о-ва Святой Елены, держаться однако подалше отъ острова Терсеры, берега котораго въ ту эпоху опустошались пиратами. Посольство выѣхало изъ Нагасаки 20 февраля 1582 года ¹⁵⁾, а высадилось въ Каскасъ (портъ Лиссабона) лишь 10 августа 1585 г.

Послы были встрѣчены въ Лиссабонѣ съ величайшей пышностью кардиналомъ Альбертомъ Австрійскимъ, Правителемъ Португаліи. Изъ всеѣхъ любезностей, которыми ихъ осыпали принцы и гранды королевства, наиболѣе памятнымъ остался отцамъ Іезуитамъ поступокъ герцогини Браганцкой, матери короля Филиппа II. Послѣ того, какъ послы посетили ее въ замкѣ Вилла - Виціоза, она послала попросить у нихъ одолжить ей какой-нибудь ихъ костюмъ. Они удовлетворили ея желаніе, и герцогиня распорядилась немедленно сшить такой же костюмъ изъ золотой парчи для своего второго сына Эдуарда, и затѣмъ пригласила пословъ навѣстить въ ея дворцѣ одного японскаго дворянина. Ничего не подозрѣвая они отправились къ ней. Каково же было ихъ восхищеніе, когда они увидѣли передъ собою юнаго испанскаго

15) Годъ смерти Нобунаги.

принца одѣтаго по Японски! Они были весьма польщены этимъ.

При отъѣздѣ герцогъ Браганцскій просилъ опять почтить его, посѣтивъ его владѣнія на обратномъ пути изъ Рима. Онъ одолжилъ имъ до границы свою карету и снабдилъ ихъ крупной суммой, обеспечивающей ихъ проѣздъ до Италіи.

Кардиналъ Австрійскій приказалъ везти ихъ черезъ Гваделупу, Талаверу и Толедо въ Мадридъ. Они прибыли въ столицу въ концѣ Октября. Филиппъ II выслалъ имъ на встрѣчу весь свой дворъ. Въ торжественной процессіи ихъ повели на аудіенцію къ королю. Они оставались въ Мадридѣ до 26 ноября.

Во время своего пребыванія въ Испаніи, послы присутствовали на извѣстной церемоніи, когда всѣ гранды королевства стеклись въ Мадридъ для принесенія присяги принцу Дону Филиппу, ставшему впослѣдствіи третьимъ королемъ этого имени. Это торжество, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зрѣлищъ когда либо виданныхъ въ Испаніи, произошло 12 ноября.

Филиппъ II обошелся съ послами чрезвычайно запросто и называлъ ихъ своими *кузенами*. Онъ засыпалъ ихъ вопросами объ ихъ странѣ, разсматривалъ съ любопытствомъ ихъ парадныя шелковыя одежды, ихъ богатыя перевязи и въ особенности усыпанныя жемчугомъ и алмазами шпаги, такой тонкой закалки, что во всей Европѣ не было имъ подобныхъ. Во время одного изъ ихъ визитовъ король около часу бесѣдовалъ съ ними стоя, что чрезвычайно удивило весь Дворъ. Другой разъ Филиппъ II послалъ имъ свои собственные кареты для посѣщенія Эскуриала, Арсенала, его конюшенъ, королевской сокровищницы и всѣхъ драгоценностей короны.

Чрезвычайно предупредительно относились къ посламъ также всѣ знатнѣйшія лица въ королевствѣ и въ особенности французскій посланникъ. Онъ предложилъ имъ отъ имени своего государя Генриха III все, что отъ него зависѣло и пригласилъ ихъ на обратномъ пути изъ Италіи захватить во Францію, объявивъ, что они доставятъ этимъ большее удовольствіе Христіаннѣйшему Монарху.

Когда былъ окончательно рѣшенъ ихъ отъѣздъ, Испанскій король приказалъ дать имъ для переѣзда въ Италію

большой и прекрасный корабль, принялъ ихъ содержаніе на свой счетъ и велѣлъ окружить ихъ роскошью. Затѣмъ онъ написалъ графу Оливарецу, своему посланнику въ Римъ, поручая встрѣтить ихъ какъ коронованныхъ особъ. Къ довершенію милостей Его Величество почтилъ пословъ своимъ посѣщеніемъ у отцовъ Іезуитовъ, гдѣ они оставались. Его сопровождали кардиналъ Толедскій и всѣ гранды.

Знаменитый Алкальскій университетъ встрѣтилъ японскихъ пословъ съ почестями, какія по его обычаямъ воздаются коронованнымъ особамъ. Мурція, Олигера и множество другихъ городовъ устроили празднества въ честь ихъ пріѣзда. Въ портъ Картагены, Аликанте, они видѣли часть громаднаго флота, *необходимой Армады*, предназначавшейся для наказанія Англичанъ и Голландцевъ, но которой предстояло погибнуть скорѣе отъ ярости стихій, чѣмъ отъ силы враговъ.

Отплывъ изъ Валенціи, послы были вынуждены противнымъ вѣтромъ два раза возвращаться въ портъ. На третій разъ они выдержали страшную бурю, занесшую ихъ къ острову Майоркѣ. Отдохнувъ здѣсь немного, они снова отплыли и прибыли въ Ливорно 1-го Марта 1586 года. Можно было подумать что буря застала японскихъ пословъ въ морѣ по особому Промыслу Божиему, такъ какъ она вынудила алжирскихъ корсаровъ и турецкія суда, во множествѣ бороздившія Средиземное море, укрыться въ портахъ. Если бы не этотъ штормъ, то избѣжавъ счастливо столько опасностей, путешественники непременно попались бы въ руки пиратовъ Средиземнаго моря.

Герцогъ Пизанскій послалъ двухъ своихъ братьевъ встрѣтить пословъ у воротъ своего дворца. Самъ онъ спустился имъ на встрѣчу, до половины Большой Лѣстницы. Во Флоренціи, въ Сьеннѣ имъ были оказаны тѣ же почести со стороны великаго герцога Франциска де-Медичи, властей и главнѣйшихъ тосканскихъ сановниковъ. Когда, наконецъ, они вступили въ Церковную Область, Святѣйшій Отецъ, какъ бы предчувствуя свою близкую смерть, послалъ просить ихъ поторопиться ѣхать и далъ на этотъ счетъ приказанія Вице-Легату Витербскому. Но болѣзнь Дона Юліана нѣсколько задержала пословъ.

Весь Римъ вышелъ имъ на встрѣчу. По дорогѣ ихъ при-

нимали: въ Банья—кардиналь Камбара, и въ Капраролъ—кардиналь Александръ. За два дня пути до Вѣчнаго города папа выслалъ имъ два отряда кавалеріи; генераль-лейтенантъ папскихъ войскъ, герцогъ Бонкомпаньо прибавилъ еще нѣсколько отрядовъ.

Съ такимъ эскортомъ они вступили въ Римъ 20-го Марта. Желая прибыть инкогнито они отложили свой вѣздъ до ночи и помѣстились въ закрытой каретѣ. Но толпа, ждавшая ихъ у воротъ города, была такъ велика, что оказалось невозможнымъ скрыть ихъ прибытіе. Оно было возвѣщено звуками трубъ, не умолкавшими до самыхъ дверей церкви Римской Коллегіи, главнаго дома Іезуитовъ.

Ихъ ждалъ здѣсь отецъ Клавдій Аньярива, Генераль Ордена, съ двумястами монаховъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и радостныхъ слезъ отецъ Генераль повелъ ихъ въ Церковь, которую съ трудомъ заперли отъ рвавшейся въ нее толпы зрителей. Запѣли торжественный молебенъ. Посланники стояли на колѣнахъ, на бархатныхъ коврахъ. Едва оправившійся послѣ болѣзни Донъ Юліанъ желалъ непременно какъ и всѣ оставаться на колѣнахъ до конца церемоніи, какъ ни уговаривали его удалиться, или сѣсть.

„Я не чувствую слабости, говорилъ онъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы возблагодарить Бога, счастливо приведшаго насъ къ исполненію нашихъ желаній и сохранившаго насъ въ трехлѣтнемъ странствіи по морю и сушѣ, среди подводныхъ камней и бурь, среди морскихъ пиратовъ и сухопутныхъ разбойниковъ, за семь тысячъ лѣтъ пути!“

Когда долгъ благочестія былъ исполненъ, отецъ Аньярива повелъ Японцевъ въ приготовленное для нихъ помѣщеніе. Сюда собрались всѣ присутствовавшіе въ Римѣ монахи Ордена, поздравить новоприбывшихъ и обнять ихъ съ горячимъ чувствомъ, нашедшимъ себѣ искренній откликъ.

За нѣсколько минутъ до пріѣзда словъ папа, созвавъ Консисторію, обсуждалъ какой имъ слѣдовало устроить пріемъ. Такъ какъ послы пріѣхали изъ Японіи главнымъ образомъ для того, чтобы облобызать ноги Его Святѣйшества, то отцы Іезуиты стояли за то, чтобы это свиданіе происходило безъ всякаго блеска, какъ это соответствуетъ смиренію ихъ Общества. Но папа пожелалъ взглянуть на письма посланниковъ и лично разсудить о цѣли ихъ путешествія.

Онъ узналъ что Донъ Манцію, какъ было сказано выше, былъ посланъ Дономъ Францискомъ, королемъ Бунго; Донъ Михайль—Дономъ Протеемъ, королемъ Аримы и Донъ Мартинъ—Дономъ Вареломеемъ, королемъ Омурь, съ цѣлью изъяснить покорность Святѣйшему Престолу. Такимъ образомъ ихъ посольство можно было съ полнымъ основаніемъ считать королевскимъ. Посему по совѣту кардиналовъ папа приказалъ устроить Японцамъ торжественную публичную встрѣчу въ Королевскомъ залѣ, какъ королевскимъ посламъ съ оказаніемъ имъ всѣхъ почестей, подобающихъ этому сану, въ виду того, что весь этотъ блескъ и пышность послужатъ къ славѣ Святѣйшаго Престола, къ созиданію Японской Церкви и къ посрамленію еретиковъ.

На другой день по прибытіи Японскихъ вельможъ, ихъ отвезли въ виллу Юлія III-го, находящуюся за *Народными Воротами*. Отсюда совершали торжественный вѣздъ въ Римъ послы иностранныхъ державъ. Порядокъ шествія былъ замѣчательный. Во главѣ выступала папская конная гвардія въ богатыхъ костюмахъ, за ней слѣдовалъ отрядъ Швейцарцевъ. За нимъ шли чиновники и слуги кардиналовъ въ фіолетовыхъ одѣяніяхъ по случаю поста. Затѣмъ слѣдовали посланники и министры иностранныхъ державъ съ великолѣпной свитой; камергеры и папскіе камердинеры, конюшіе и другіе дворцовые чиновники, въ образцовомъ порядкѣ и всѣ въ красныхъ одѣяніяхъ. Каждому отдѣлу шествія предшествовали трубы, барабаны, флейты и гобои, наполнявшіе воздухъ чудной музыкой.

Непосредственно за папскими чиновниками слѣдовали японскіе послы верхомъ на лошадяхъ, покрытыхъ черными бархатными попонами, шитыми золотомъ. Они ѣхали въ японскихъ парадныхъ шелковыхъ одеждахъ, съ золотымъ шитьемъ, съ широкими рукавами, доходившими только до локтя. Ихъ перевязи отличались чудной красотой; эта часть одежды всегда служить главнымъ украшеніемъ японскихъ вельможъ. Шпаги, которыя они носятъ съ лѣвой стороны, сверкали алмазами и жемчугами. Съ правой стороны блестѣлъ богатый кинжалъ. Молодость и благородная осанка пословъ еще болѣе выдѣляла роскошь ихъ костюма. Глядя на нихъ всѣ были въ восхищеніи, хотя это былъ городъ привыкшій къ самымъ пышнымъ въ свѣтѣ церемоніямъ и

его жители отличались врожденнымъ вкусомъ къ пышному представительству и тонкимъ пониманіемъ всего величаваго.

Донъ Манціо ѣхалъ первымъ, имѣя двухъ архіепископовъ по бокамъ; за нимъ слѣдовалъ Донъ Михайлъ, и послѣднимъ Донъ Мартинъ, каждый между двухъ епископовъ. За ними слѣдовалъ отецъ Москита, служившій имъ переводчикомъ. Шествіе замыкалось отрядомъ кавалеріи, составленнымъ изъ римской знати.

Улицы, по которымъ двигался кортежъ, были покрыты несмѣтной толпой.

По всѣмъ окнамъ и балконамъ только и виднѣлись ряды знатныхъ лицъ, призывавшихъ тысячи благословеній на юныхъ принцевъ.

Лишнее было бы прибавлять, что всѣ пушки Святаго Ангела и Ватикана принимали дѣятельное участіе въ торжествѣ, а всѣ улицы дворцы и храмы оглашались самыми гармоническими и грандіозными концертами, какіе только могла создать Италия изъ тысячъ музыкальныхъ инструментовъ.

Папа, окруженный кардиналами, принялъ пословъ въ Королевскомъ залѣ. Никогда еще римскій дворъ не блисталъ такимъ великолѣпіемъ, никогда папа не былъ окруженъ болѣе блестящею свитою кардиналовъ, вельможъ и прелатовъ; по словамъ посланниковъ, имъ казалось, что они видятъ предъ собою дворъ не первосвященника, но самаго могущественнаго изъ христіанскихъ государей. Послѣ того какъ ихъ подвели для обычнаго поклоненія и облобызанія туфли Его Свѣтѣйшества, Глава Церкви, видя ихъ у своихъ ногъ былъ охваченъ глубокимъ чувствомъ вѣжности и быстро поднявшись, обнялъ ихъ. Его радость была такъ велика въ этотъ моментъ, что онъ залился слезами.

Дѣйствительно сердце Папы Григорія могло биться радостью при видѣ того, что народъ, справедливо почитаемый однимъ изъ самыхъ сильныхъ въ Азіи, и, конечно, самый цивилизованный, самый умный и самый храбрый, казался, склонился теперь передъ властью Свѣтѣйшаго престола въ лицѣ его Первосвященника.

Никогда за всѣ прошедшіе вѣка, не было видано, чтобы послы какого либо великаго государя предпринимали подобную миссію по чисто религіознымъ мотивамъ, безъ всякой

примѣси земныхъ интересовъ. Тронутый такимъ рвеніемъ, Григорій уже видѣлъ въ близкомъ будущемъ владычество и процвѣтаніе католической вѣры въ отдаленнѣйшихъ странахъ свѣта, гдѣ съ лихвою покрываются всѣ ущербы недавно испытанные при отпаденіи многихъ европейскихъ націй.

Удовольствіе римлянъ, какъ и радость папы, легко понять, Этотъ народъ, постоянно помнившій о своемъ быломъ величій, теперь съ гордостью припоминалъ, что и въ тѣ времена Римъ почиталъ за счастье, когда къ Августу явились послы нѣкоторыхъ индійскихъ народовъ, услыжавшихъ о великихъ дѣяніяхъ этого государя и искавшихъ союза съ нимъ. Тогда въ Римѣ было громадное стеченіе народа, изъ всѣхъ городовъ Италіи собравшагося, чтобы взглянуть на невиданныхъ людей, неизвѣстныхъ дотолѣ римлянамъ лица, рассмотреть покрой и цвѣтъ ихъ одежды, ихъ осанку и манеры, казавшіеся столь удивительными. Ихъ пожирали глазами и всѣ на нихъ смотрѣли какъ на жителей другого міра.

Теперь же новый Римъ имѣлъ полное основаніе гордиться, сравнивая себя съ древнимъ Римомъ. Правда, что во времена Цезарей слава Рима достигла Индіи, но она не испытала силы его оружія, не видала его развивающихся знаменъ. Индусы пришли искать дружбы владыкъ міра, но не подчинялись имъ. Они сносились съ ними, какъ равные, а не какъ подчиненные. Они желали быть въ союзѣ, но и не думали подчиняться владычеству Рима.

Несравненно болѣе поразительно было то, что теперь развертывалось на глазахъ Римлянъ въ канцеляріи разноплеменнаго духовенства, называемой папскимъ Римомъ. Народъ никогда несклонявшійся предъ чужою силою, которому никогда враги не диктовали своихъ условій, самъ водружалъ, на своей собственной землѣ побѣдное знамя Христа. Онь признавалъ себя побѣжденнымъ непобѣдимымъ оружіемъ вѣры и любви!

Нѣкогда католицизмъ полагалъ, что сдѣлалъ драгоцѣнное приобрѣтеніе, когда благодаря мудрой политикѣ Григорія Великаго, Англія, этотъ островъ, удаленный, какъ тогда говорили, отъ всего міра, позналъ свѣтъ Евангелія и подчинился Престолу Св. Петра. Обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились, Римъ оплакивалъ великую британскую націю,

ересью и расколомъ отторгнутую отъ общаго тѣла вѣрныхъ. И вотъ, для его утѣшенія, въ правленіе другого Григорія уже не одинъ, а множество большихъ острововъ, съ цѣлымъ рядомъ государствъ, подчиняются теперь закону Церкви, несмотря на то, что отъ ея земной Главы эти острова отдѣляются вся толща земного шара. Никогда еще знаменательныя слова Спасителя апостоламъ:— „Euntes docete omnes gentes!“ не были такъ близки къ исполненію.

Новые японскіе христіане вручили Григорію вѣрительныя грамоты пославшихъ ихъ князей въ итальянскомъ переводѣ. Они были полны блестящихъ титуловъ адресованныхъ папѣ съ увѣреніями въ глубокомъ почтеніи и преданности.

По прочтеніи этихъ посланій, португальскій іезуитъ Гаспаръ Гонзалесъ началъ рѣчь отъ имени посланниковъ.

Онъ изложилъ причины ихъ путешествія и воздалъ по справедливости хвалу твердости и постоянству въ благочестіе японскихъ князей и ихъ пословъ. Перейдя затѣмъ къ дѣяніямъ Его Святѣйшества, онъ краснорѣчиво обрисовалъ великодушную щедрость соединявшуюся у него съ горячимъ рвеніемъ къ распространенію вѣры.— „Святѣйшій Отецъ! воскликнулъ ораторъ. Вамъ мало было дать почувствовать эту щедрость въ столицѣ христіанскаго міра. Границы Италіи показались вамъ тѣсными для нея. Вы пожелали наполнить Германію, Богемію, Венгрію, Польшу, Сирію, Грецію, Далмацію вѣчными памятниками благочестія, которое является душой всѣхъ вашихъ благодѣяній¹⁶⁾. Наконецъ вы перенесли ваши щедрія милости за границы свѣта, дальше Индіи и Китая: вы заставили удивиться вашимъ благодѣяніямъ и благословлять ихъ даже за невѣдомыми морями Японіи!

Посвятивъ нѣсколько словъ памяти Святаго Франциска Ксаверія, перваго основателя католической церкви на Востоцкѣ, ораторъ окончилъ горячей просьбой Первосвященнику всегда оставаться благосклоннымъ къ Обществу, обязанному ему столькими милостями.

„Тогда, сказалъ онъ, вмѣсто нѣсколькихъ городовъ и королевствъ Японіи подчиненныхъ ими игу Церкви, и составляющихъ только начатки несмѣтной жатвы, наши миссіонеры

¹⁶⁾ Намекъ на основаніе семинарій.

сумѣють покорить Христу всѣ области и государства Востока, которыхъ я не въ силахъ даже перечислить“.

Антоній Боккападале отвѣтилъ кратко на эту рѣчь отъ имени Его Святѣйшества. Онъ сказалъ, что японскіе короли дали высокое понятіе о своей мудрости и благочестіи, отправивъ съ окраины Востока въ Римъ пословъ и выбравъ для того принцевъ крови, чтобы воздать Намѣстнику Христа честь, подобающую его званію. Дѣйствительно, продолжалъ онъ, существуетъ только одна истинная вѣра, одна вселенская Церковь, одинъ глава этой Церкви, который, наследуя кафедру Святаго Петра, является пастыремъ всемірнаго стада вѣрныхъ; Святѣйшій Отецъ видитъ съ радостью, что японскіе неофиты такъ же твердо убѣждены въ этой истинѣ, какъ и въ прочихъ таинствахъ вѣры. Въ заключеніе онъ высказываетъ пожеланіе и возноситъ молитвы Богу, чтобы по ихъ примѣру и прочіе князья и государи не только Японіи, но всего міра, отказались наконецъ отъ своихъ заблужденій, познавъ истиннаго Бога и посланнаго Имъ Иисуса Христа.

Святѣйшему отцу не только угодно было чтобы японскіе послы поддерживали его мантию—милость, которую Римскій первосвященникъ оказываетъ только государямъ и принцамъ крови—но онъ даже настоялъ на томъ, чтобы они были его шлейфносами. Этимъ онъ ставилъ ихъ наравнѣ съ посланникомъ Императора германскаго, который одинъ пользовался этимъ преимуществомъ въ описываемую эпоху.

Было бы слишкомъ долго рассказывать всѣ праздники, данныя въ честь Японцевъ кардиналами, иностранными посланниками и римской знатью.

Въ семи главныхъ римскихъ церквахъ ихъ встрѣтили почти съ такими же почестями, какъ самого папу. Дона Юліана лечили лучшіе врачи священнаго города, и, вслѣдствіе ли ихъ стараній, или отъ радости при видѣ столь трогательныхъ торжествъ, онъ вскорѣ поправился.

Григорій XIII не долго жилъ послѣ прибытія посольства, доставившаго ему такую радость. Въ то время, когда весь папскій городъ былъ полонъ веселья, когда во всѣхъ кружкахъ только и разговоръ было что про японскихъ пословъ, этотъ добрый пастырь умеръ подъ бременемъ трудовъ, имѣя восемьдесятъ четыре года отъ роду.

Посольство, озарившее свѣтомъ его послѣдніе дни было увѣковѣчено въ громкой надписи на статуѣ, воздвигнутой ему, по риску обычаю, еще при жизни въ стѣнахъ Капитолія.

Наслѣдовавшій ему Сикстъ Пятый оказывалъ посламъ не меньшее вниманіе. Онъ утвердилъ сначала ежегодную субсидію въ четыре тысячи эку, назначенную его предшественникомъ японскимъ семинаріямъ; потомъ онъ прибавилъ къ этому еще двѣ тысячи. Кромѣ того онъ ассигновалъ японскимъ принцамъ три тысячи эку на ихъ возвращеніе.

Желая къ денежнымъ дарамъ прибавить почеть онъ рѣшилъ самъ посвятить ихъ въ рыцари „Золотыхъ Шпоръ“. Знаки этого рѣдкаго отличія были надѣты на нихъ посланниками французскимъ и венеціанскимъ.

На другой день новый папа изъ своихъ рукъ пріобщалъ Японцевъ. Данной имъ Апостольской Грамотой онъ помѣстилъ трехъ японскихъ *королей* въ ряду другихъ христіанскихъ монарховъ, съ правомъ входить въ Консисторію. Онъ также послалъ въ высшей степени милостивый отвѣтъ на ихъ письма.

Прежде чѣмъ получить отпускъ отъ Его Святѣйшества, послы явились зрителями воскресенія древняго Рима, что производится только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и теперь было устроено въ честь ихъ. Сенатъ и Римскій народъ собрались, чтобы принять ихъ и пожаловать имъ титулъ Римскихъ гражданъ и званіе патрицевъ. Имъ были вручены на это Жалованныя Грамоты на богато разрисованномъ пергаментѣ, за золотой печатью шириной въ руку и толщиной въ палецъ.

Обратный путь былъ такимъ же рядомъ торжествъ, какъ и первый. Въ Венеціи юные путешественники были встрѣчены сорока сенаторами въ пурпуровыхъ мантияхъ. Черезъ два дня состоялось парадное представленіе ихъ дожу, который посадилъ ихъ рядомъ съ собою. Процессія Явленія св. Марка, обычно справлявшаяся 25 Іюня, была по ихъ желанію отложена на три дня. Она вышла еще болѣе торжественной, чѣмъ обыкновенно, благодаря множеству призванныхъ участвовать въ ней священниковъ и монаховъ различныхъ Братствъ. Въ ней несли большія золотыя и серебряныя раки, драгоценныя камни которыхъ цѣнились свыше десяти

миліоновъ. Лица въ богатыхъ костюмахъ разыгрывали наиболѣе интересныя сцены изъ Ветхаго и Новаго Заветъа. Болѣе всего удивлены были Японцы, увидѣвъ въ представленіи самихъ себя въ сценѣ поклоненія ихъ Главѣ Церкви.

Черезъ нѣсколько дней посламъ былъ предложенъ венеціанской знатью ужинъ на морѣ, между двухъ дворцовъ, построенныхъ на берегу Большаго Канала. Устроители его заказали портреты четырехъ иностранцевъ во время засѣданія Великаго Совѣта. Эти изображенія были помѣщены между портретами дожей и на нихъ обозначены имена и званіе пословъ, и причины ихъ путешествія. Надпись была сдѣлана по итальянски и по японски и снабжена ихъ подписями.

Неменьшее радушіе и великолѣпіе встрѣчали Японцы и въ другихъ городахъ, черезъ которые они проѣзжали, особенно же въ Миланѣ. Они отплыли изъ Генуи 8 Августа 1585 года, унося съ собою уваженіе и привязанность всей Италіи, чѣмъ они были обязаны какъ душевной добротѣ и кротости, такъ и своей скромности и набожности.

Испанскій король пожелалъ видѣть ихъ по возвращеніи. Онъ имъ отпустилъ на это путешествіе четыре тысячи экю и сверхъ того поручилъ своимъ чиновникамъ въ Индіи отвезти ихъ на его счетъ до ихъ очага. Послѣ новаго ряда празднествъ и овацій, продолжавшихся не только въ Европѣ, но и въ Азіи, они снова увидѣли Японию въ 1590 году, спустя восемь лѣтъ по ихъ отъѣздѣ. Съ ними прибыли двадцать семь монаховъ, отпущенныхъ по ихъ просьбѣ отцомъ Генераломъ Общества Іисуса.

Начало гоненій при Императорѣ Таико. ¹⁷⁾

Описанное нами посольство имѣло своей цѣлью испросить у Испанскаго короля и у Святѣйшаго Отца особаго епископа

¹⁷⁾ За время продолжительнаго путешествія Японскаго посольства къ Римскому Папѣ, въ Японіи произошли крупныя перемѣны.

Въ 1582 году Нобунага, на вершинѣ своего всемогущества, сдѣлался жертвой заговора. Измѣннически захваченный заговорщиками, Нобунага самъ лишилъ себя жизни. Вскорѣ—его братъ и наслѣдникъ принужденъ былъ также кончить самоубійствомъ. У Нобунаги оставался еще малолѣтній внукъ.

для нарождающейся Японской Церкви. Это было однимъ изъ главныхъ пунктовъ, о которыхъ они вели переговоры съ

Мстителемъ за умершаго и защитникомъ правъ малолѣтняго наследника выступилъ Хидэ Ёси, который при возникшихъ смутахъ достигъ положенія еще болѣе могущественнаго, нежели Нобунага. Его сильнымъ конкурентомъ былъ Еясу, но послѣ нѣсколькихъ столкновений соперники сочли болѣе благоразумнымъ прійти къ соглашенію.

Еясу—уже послѣ смерти Хидэ Ёси—сталъ Сьёгуномъ и законодателемъ Японіи предпоследняго періода (до Императора Муцухито).

Но этому предшествовалъ періодъ власти Хидэ Ёси.

Въ 1585 году этотъ сынъ крестьянина,—сталъ истиннымъ владыкой всей Японіи. Не имѣя, по своему происхожденію, права на титулъ Сьёгуна, онъ получилъ высшій придворный чинъ „Компаку“, впоследствии же принялъ титулъ „Тайко“, подъ которымъ больше всего и извѣстенъ въ исторіи (Тайко—сама).

Со времени Хидэ Ёси—Японская власть становится рѣзко противъ христіанства. Хидэ Ёси, измѣнившій въ этомъ отношеніи традиціи Нобунаги, дѣйствовалъ точно также не изъ личныхъ религіозныхъ чувствъ, а потому, что измѣнившіяся обстоятельства уже не требовали какого либо свисхожденія къ христіанамъ.

Хидэ Ёси былъ объединителемъ феодално разрозненной Японіи, его любимой мечтой было сверхъ того завоеваніе Кореи и Китая. Война Корейская заняла большую часть времени его правленія. Но при планахъ объединенія всего Дальняго Востока—христіанство не могло быть симпатичнымъ для Правительства, такъ какъ оно являлось враждебнымъ буддизму, родившемуся Японію съ Кореей и Китаемъ. Сверхъ того Католицизмъ въ Японіи далеко не показалъ себя терпимымъ и принялъ очень воинствующее направленіе. Это производило раздоры, которые отнюдь не были въ духѣ правительственной программы, только и мечтавшей о водвореніи всеобщей тишины.

Наконецъ у Хидэ Ёси являлись опасенія, какъ бы распространеніе Христіанства не было прелюдией къ покоренію Японіи Испаніей или Португаліей. А сила и независимость Японскаго государства были главной задачей Сьёгунага. Такимъ образомъ все говорило противъ Христіанства, а за него—ничто. Нобунага въ свое время нуждался въ помощи христіанскихъ князей. Но во времена Хидэ Ёси центральная власть уже настолько усилилась, что ей не приходилось заискивать у мѣстной аристократіи: Сьёгунагъ уже требовалъ отъ князей полной покорности.

Всѣ эти частныя причины были бы, можетъ быть, недостаточны для рѣшимости искоренить Христіанство, если бы духъ строя, воздвигаемаго основателями Сьёгунага—не находился также въ рѣзкомъ противорѣчій съ Христіанствомъ. Но дѣло въ томъ—что между ними было именно глубочайшее противорѣчіе.

Всѣ эти знаменитые для Японцевъ дѣятели—Нобунага, Хидэ Ёси и Еясу—выражавшіе господствующій духъ націи того времени—несли съ

Его Святѣйшествомъ и съ королемъ. Со стороны обонхъ эта просьба была найдена справедливой. Филиппъ II немедленно назначилъ на это мѣсто отца Себастьяна Моралеса, монаха

собою не какую-либо новую, великую идею, а были представителями японской старины, продумавшей себя съ точки конфуціанства. Въ Японцахъ говорила самовлюбленность народа, вѣчно жившаго въ уединеніи отъ міра, высокомеріе гордыхъ феодаловъ и узкая практичность конфуціанства: вотъ элементы, создавшіе духъ кажущихся „реформаторовъ“ той эпохи. Они дѣйствовали всецѣло во имя традиціи, и старались устроить страну такъ, чтобы она получила порядокъ и единство на основаніи японско-феодальной традиціи. Программа состояла въ томъ, чтобы укрѣпить традиціонный строй Японіи, измѣнивъ въ немъ лишь то, что безусловно препятствовало силѣ и порядку государства. Эта программа была чужда высшей общечеловѣческой идеи. Высшее, что она знала—это были сами Японцы, а потому ихъ общественная программа не могла же освѣщаться какой бы то ни было идеей, которая считала бы себя выше японской націи. Конфуціанство, рекомендуемое только утилитарную практичность—вполнѣ подходило къ этому узкому націонализму, ибо практичность имѣнно состоитъ въ сообразованіи политической программы съ существующимъ фактомъ. Наоборотъ все, что требовало бы отъ Японцевъ повышенія своего существа—то есть отказа отъ чистой традиціи,—все это оказывалось враждебно духу и задачамъ устроителей Японіи XVI—XVII и XVIII вѣковъ. Такимъ образомъ никакая великая религиозная или философская идея—не могла имъ быть симпатичною. Даже старинная, синтоистическая концепція Микадо, какъ сына боговъ, ими непосредственно вдохновляемого—не могла быть практически терпима этими дѣятелями. Она была хотя дикарски—идеалистична, но все таки идеалистична. А они никакому идеалу не вѣрили. Они были узкіе практики и утилитаристы. Непрактично было бы уничтожить Микадо, въ котораго вѣрили миллионы народа. Его и не уничтожили, но засадили въ почетную тюрьму, и не только отняли фактическую власть но установили принципъ, что дѣло Микадо лишь молитвенно посредничать между Японіей и богами, а никакъ не мѣшаться въ государственныя дѣла, которыя отошли всецѣло къ реальной силѣ—Сьѣгуну. Сьѣгунъ же былъ реальной силой потому, что его фамилія имѣла наибольшія владѣнія, наибольшія войска, и самъ онъ, ставъ въ центрѣ власти—получалъ въ распоряженіе безконечное количество шіоновъ, тюрьмы и прочія орудія общаго умиротворенія.

Только въ эту практическую, матеріальную силу и вѣрили японскіе устроители. Цѣль же устроенія—единственное божество ихъ—была сама Японія. Кромѣ Японіи они ничего не знали и знать не хотѣли.

Личности чловѣка они даже въ мысляхъ не имѣли, а имѣли въ виду только Японское государство.

Эпоха XVI—XVIII вѣковъ—была вообще эпохой торжества самой узкой національной государственности. Это скоро привело Сьѣгунатъ—усумнившійся въ силѣ Японіи покорить всѣ другія страны,—къ рѣ-

Общества Ісуса, урожденца Функалы, главнаго города Мадейры, который былъ тогда Провинціаломъ въ Португальскомъ королевствѣ. Святѣйшій Отець утвердилъ его назначеніе и даровалъ всѣ привилегіи, какія тотъ считалъ полезными для преуспѣянія новой Церкви. Онъ былъ посвященъ въ Лиссабонѣ, откуда выѣхалъ съ тремя другими монахами Общества въ 1587 году. Двое изъ нихъ умерли въ дорогѣ, за ними вскорѣ послѣдовалъ и новый прелать, захватившій въ Мозамбикѣ заразную болѣзнь, унесшую многихъ людей изъ экипажа. Въ 1591 году на это мѣсто былъ избранъ отецъ Петръ Мартинецъ, бывшій въ то время Провинціаломъ Индіи. Кoadьюотромъ при немъ назначили Людовика де Секверу. Отець Мартинецъ преподавалъ въ своемъ родномъ городѣ Коимбрѣ философію и богословіе, кромѣ того онъ былъ отличный проповѣдникъ. Въ этомъ званіи онъ сопровождалъ короля Себастіана въ Африку, гдѣ Мавры долгое время держали его въ плѣну.

Черезъ тридцать восемь лѣтъ послѣ появленія Святого Франциска Ксаверія въ Японіи, въ ней насчитывалось двѣсти тысячъ христіанъ, въ томъ числѣ много князей, полководцевъ и знатныхъ вельможъ. Число прозелитовъ было такъ велико, что миссіонеры не имѣли ни днемъ, ни ночью покою: непрестанно они должны были проповѣдывать, крестить, исповѣдывать и наставлять всѣхъ, желавшихъ при-

нимости безусловно уединить Японію отъ всего міра, чтобы онъ ее не покорилъ, не измѣнилъ въ ней чего-нибудь своимъ вліяніемъ.

Понятно, до какой степени этимъ дѣятелямъ казалось опаснымъ Христіанство, съ его принципами абсолютной, виѣутилитарной морали, съ его идеями общечеловѣчности, съ постановкой выше всего личности, связанной не съ надеями и государствами, а съ Богомъ, и притомъ единственными, общимъ для всѣхъ народовъ.

Никогда Христіанство не представлялось столь опаснымъ даже для Римскихъ Цезарей.

Поэтому оно могло развиваться лишь до тѣхъ поръ, пока въ Японіи была сильна мѣстная знать, развитые люди которой имѣли силу не допускать центральную власть къ насильственному уничтоженію „иноземной вѣры“. Христіанство могло бы развиваться и въ томъ случаѣ, если бы при созданіи порядка восторжествовалъ какой либо Микадо, обратившійся въ новую вѣру. Но торжество Сьѣгуновъ, представлявшихъ идею національно-консервативную, неизбѣжно должно было вызвать самую страшную реакцію противъ Христіанства.

нять христіанскую вѣру. Въ ихъ числѣ находился и наслѣд-
ный принцъ Имперіи.

Наибольшій вредъ религіи въ Японіи приносили Порту-
гальцы міряне. Они предавались возможнымъ излишествамъ
и представляли жестокой соблазнъ для новообращенныхъ.
Видя какъ они проводили дни и ночи въ гульбѣ, похищали
женщинъ къ себѣ на суда, Японцы имѣли полное право го-
ворить, что европейскіе священники проповѣдывали одинъ
законъ, а купцы жили по другому. Съ тѣхъ поръ купцы,
избѣгая справедливыхъ замѣчаній миссіонеровъ, стали при-
ставать только въ тѣхъ портахъ, которые не посѣщались
последними. Эти печальные факты поселили у вдумчивыхъ,
недовѣрчивыхъ Японцевъ дурное мнѣніе о христіанской
вѣрѣ. У нихъ начало зарождаться сомнѣніе въ искренности
миссіонеровъ, которыхъ стали почти подозрѣвать въ лице-
мѣрії. Духъ политической предусмотрительности, столь свой-
ственный Японцамъ, внушалъ имъ подозрѣніе, что монахи
легко могли подъ хитрой маской скрывать тайный замы-
селъ подчинить Имперію христіанскому королю.

Въ это время въ гавань Хирато прибылъ изъ Португаліи
большой корабль. Объ этомъ доложили Императору Танко
Хидэ-Ёси, который пожелалъ видѣть его и попросилъ отца
Провинціала призвать его въ Хакату, гдѣ въ это время на-
ходился принцъ. Получивъ письмо монаха, капитанъ явился
къ Его Величеству, выразилъ свое желаніе удовлетворить
его, но сослался на то, что онъ рисковалъ погубить свой
корабль и товары, такъ какъ узкіе рукава, которыми прохо-
дили въ портъ, были слишкомъ мелки.

Императоръ, казалось, удовольствовался этой причиною и
очень хорошо принялъ какъ капитана, такъ и находившихся
при его Дворѣ отцовъ Іезуитовъ. Но въ ту же ночь онъ пе-
редалъ имъ приказъ покинуть Японію въ двадцать дней, съ
запрещеніемъ, подъ страхомъ смерти, впредь проповѣдывать
въ ней.

Въ то же время подвергся опалѣ Укондоно одинъ изъ
первыхъ вельможъ Имперіи, состоявшихъ при Дворѣ, и съ
нимъ его друзья и родные. Все его имущество было кон-
фисковано. Онъ владѣлъ нѣсколькими областями, его годо-
вой доходъ былъ свыше трехъ милліоновъ, и вдругъ онъ
былъ ввергнутъ въ нищету. Но этотъ вѣрный и преданный

служитель Иисуса Христа, гораздо болѣе скорбѣлъ о жестокой участи своихъ христіанскихъ вассаловъ, попавшихъ теперь подѣ власть язычника, о горѣ своего отца, жены, дѣтей и всѣхъ родныхъ, чѣмъ о своемъ личномъ несчастіи.

Собравъ всѣхъ офицеровъ своей арміи, изъ которыхъ большинство были христіане, онъ сказалъ имъ: „Я не жалѣю нисколько о потерѣ своего имущества; изгнаніе, на которое я осужденъ, нимало не страшитъ меня. Напротивъ, я чувствую въ сердцѣ моемъ неизъяснимую радость оттого, что представляется случай доказать мою вѣру. Но мнѣ больно, что я не могу вознаградить васъ, какъ желалъ бы. Я надѣюсь, что Богъ, Которому мы служимъ, исполнитъ это лучше меня, если вы останетесь Ему вѣрны. Какое благо могутъ намъ даровать всѣ государи Японіи, которое бы сравнилось съ вѣчнымъ блаженствомъ? Теряя меня, вы ничего не теряете, но если вѣра васъ покинетъ, то что будетъ съ вами послѣ смерти? Кто спасетъ ваши души, если вы ихъ обречете на гибель? Какой выкупъ дадите вы за нихъ?“

Болѣе всего раздражало Императора то, что Португальцы нѣсколько разъ покупали Японцевъ и продавали ихъ въ Индіи въ рабство. Таико винилъ миссіонеровъ во всѣхъ дурныхъ поступкахъ ихъ соотечественниковъ и, чтобы наказать ихъ самымъ разительнымъ образомъ, онъ приказалъ Укондоно отречься отъ христіанской вѣры и вернуться къ религіи предковъ подѣ угрозой изгнанія и лишенія всего имущества и всѣхъ занимаемыхъ имъ при Дворѣ должностей. Мы уже видѣли, каковъ былъ отвѣтъ благочестиваго неопфита. Онъ готовился къ изгнанію. Какъ только слухъ о постигшей его опалѣ разнесся при Дворѣ и въ арміи, знатнѣйшіе вельможи и князья поспѣшили явиться къ нему, предлагая золото и серебро. Но онъ, поблагодаривъ ихъ, отказался отъ этихъ суммъ.

Онъ уѣхалъ въ свои владѣнія. Тамъ его отецъ, почтенный старецъ, несмотря на нависшія надъ нимъ безчисленныя и безконечныя бѣдствія, воздѣлъ руки къ небу и возблагодарилъ Бога избравшаго ихъ на то, чтобы дать японскимъ христіанамъ первый примѣръ вѣрности и постоянства. Счастливымъ тѣмъ, что его сынъ подвергся немилости за такое святое дѣло, а ничѣмъ не нарушилъ закона чести, онъ нѣжно обнялъ его со словами: „Сынъ мой, намъ остается

пожелать только одного: чтобы, потерявъ наше имущество за вѣру, отдать за нее и кровь и жизнь“.

Полный пламенной рѣшимости, Укондоно съ радостью видѣлъ, что по данному имъ примѣру самоотверженія послѣдовали также его жена, дѣти и всѣ ближайшіе родственники, вмѣстѣ съ нимъ павшіе съ высокаго положенія въ бездну нищеты.

Всѣ эти христіане, достойные по своей твердости послѣдователи Христа и его апостоловъ, нисколько не огорчаясь происшедшимъ, были исполнены святой радости. Пролить слезы умиленія и любви они отправились въ Церковь возблагодарить Господа за столь явное счастье. Затѣмъ они всѣ: мужчины, женщины, старики, дѣти, господа и слуги тронулись въ путь, воспѣвая Богу хвалу; питаюсь милостыней, странствуя изъ страны въ страну, они чувствовали себя болѣе счастливыми, чѣмъ прежде, когда жили при Дворѣ въ изобиліи и благополучіи.

Таковы были христіане въ Японіи.

Между тѣмъ Тайко, еще болѣе раздраженный привязанностью Укондоно и его фамиліи къ новой религіи, велѣлъ объявить отцу Провинціалу приказъ объ изгнаніи его подѣ страхомъ смерти. Этотъ эдиктъ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ.

„Мы были извѣщены нашими вѣрными слугами, членами нашего Совѣта, что чужестранные монахи прибыли въ наше государство, гдѣ они проповѣдуютъ законъ противный японскому ученію, и что они имѣли смѣлость разрушить храмы, посвященные нашимъ Коми и Хотокэ. Хотя это преступленіе заслуживало бы крайняго наказанія, однако мы, милуя ихъ, повелѣваемъ имъ подѣ страхомъ смерти, въ двадцать дней выѣхать изъ Японіи и за это время имъ не сдѣлаютъ никакого вреда и убытка.

„Но, если по истеченіи этого срока еще останется кто-либо изъ нихъ въ нашемъ государствѣ, мы повелѣваемъ хватать ихъ и наказывать какъ величайшихъ преступниковъ. Что же касается Португальскихъ купцовъ, мы позволяемъ имъ приставать въ нашихъ портахъ, вести обычную торговлю и проживать въ нашихъ владѣніяхъ сколько потребуютъ ихъ дѣла. Но мы запрещаемъ имъ подѣ страхомъ конфискаціи ихъ кораблей и товаровъ привозить съ собой какихъ бы то ни было чужеземныхъ монаховъ“.

Въ это время въ Японіи случился только одинъ корабль, который долженъ былъ вернуться въ Индію, но и онъ могъ отплыть только черезъ полъ года. Отецъ Провинціалъ далъ поэтому знать Императору, что не имѣетъ возможности исполнить его приказанія. Убѣдившись въ этомъ Императоръ приказалъ Жаспару Куэлло собрать въ Хирато всѣхъ монаховъ и ждать перваго отъѣзжающаго судна. Онъ повелѣлъ также выѣхать изъ Японіи и ѣхать съ ними въ Индію всѣмъ Японцамъ, исповѣдывавшимъ христіанскую вѣру; тѣ изъ нихъ, кто остался бы здѣсь послѣ назначеннаго срока, осуждались на смерть. Потомъ онъ издалъ запрещеніе подданнымъ носить кресты, четки и всякіе другіе знаки того же культа, поставилъ солдатъ въ домахъ Іезуитовъ и поклялся, что христіане или перемѣнятъ религію, или всѣ погибнутъ.

Этотъ декретъ былъ опубликованъ и вывѣшенъ въ главныхъ городахъ Японіи. Въ Имперіи насчитывалось тогда сто двадцать отцовъ Іезуитовъ. Почти всѣ отправились въ Хирато: немногіе остались, спрятавшись и измѣнивъ костюмъ. Ученики семинаріи въ Міако отказались вернуться къ своимъ родителямъ, рѣшивъ ни въ какомъ случаѣ не покидать миссіонеровъ; они письменно отрекались изъ любви къ Спасителю отъ своихъ семействъ, родины, имущества, отъ своихъ надеждъ, и отъ всего, что у нихъ только было на землѣ. Миссіонеры, со своей стороны, вмѣсто того, чтобы готовиться исполнить приказъ Императора, рѣшили не покидать своихъ чадъ. Священники, проповѣдники, катихизаторы и послушники, всѣ согласились на томъ, чтобы выступить на поле битвы и заслужить мученическіе вѣнцы.

21 Іюля 1590 года, черезъ мѣсяцъ послѣ смерти отца Провинціала Жаспара Куэлло, павшаго подъ тяжестью скорби, причиненной ему гоненіемъ, когда всѣ христіане были еще въ траурѣ по случаю этой жестокой потери, прибылъ отецъ Александръ де-Валинано, везшій молодыхъ пословъ къ ихъ семьямъ. Онъ узналъ въ Гоа о гоненіи, воздвигнутомъ противъ христіанъ и, благодаря содѣйствію вице-короля Индіи, добился позволенія видѣть Императора въ качествѣ посланника. Таико съ удовольствіемъ принялъ его и сказалъ: „Я всегда очень уважалъ европейскіхъ монаховъ за ихъ добродѣтели и ученость. Тѣмъ не менѣе я ихъ изгналъ

изъ моихъ владѣній, потому что они проповѣдуютъ ученіе, противное чести и почитанію нашихъ Kami, бывшихъ царями Японіи. Оно хорошо вездѣ, но не въ моей Имперіи“.

Отецъ Валлиано и посланники пристали въ гавани Нагасаки. Здѣсь ждалъ ихъ съ многочисленной свитой донъ Леонъ, братъ донъ Протея, короля Аримы. Въ это время миссіонеры скрывались у королевъ Омуры, Бунго, Аримы, у правителя Хирато и у знатныхъ христіанъ, которые, благодаря своимъ крупнымъ средствамъ, могли помогать имъ въ нуждѣ.

Посольство прибыло въ Міако въ концѣ 1591 года. Великолѣпіе пышнаго, блестящаго кортежа нѣсколько утишило гнѣвъ Таико. Во главѣ выступалъ арабскій конь, покрытый алымъ бархатомъ, сбруя его была отдѣлана серебромъ, а стремена вызолочены. Вице-король послалъ двѣ такихъ лошади, но одна пала въ дорогѣ. Двое молодыхъ конюховъ въ длинныхъ шелковыхъ одеждахъ съ мавританскими тюрбанами на головахъ, держали съ двухъ сторонъ за поводъ гордое животное; они шли между двумя конными Португальцами. За ними виднѣлись семь пажей, одѣтыхъ такъ богато, что ихъ можно было бы принять за принцевъ. Они шли впереди четырехъ японскихъ вельможъ, одѣтыхъ въ черные бархатные костюмы, вышитые и отдѣланные золотомъ, данные имъ въ Римѣ папой Сикстомъ Пятымъ.

Двухъ монаховъ въ обычномъ одѣяніи членовъ Общества, несли въ носилкахъ. Шествіе замыкалось прочими Португальцами, въ такихъ богатыхъ и великолѣпныхъ костюмахъ, въ какихъ никто еще не появлялся передъ могущественнѣйшими монархами земли.

Ихъ ввелъ въ залу аудіенціи ожидавшій ихъ племянникъ Таико. Посреды залы стоялъ тронъ, отдѣланный золотой парчей, сверкавшей драгоценными камнями, и осѣненный роскошнѣйшимъ балдахиномъ изъ самыхъ прекрасныхъ китайскихъ вышивокъ. Къ нему велъ длинный рядъ ступеней, черезъ извѣстные промежутки образовывавшихъ родъ эстрады, на которыхъ помѣщались въ порядкѣ ихъ рода знатнѣйшіе вельможи, придворные чиновники и дворяне. Вся эта зала блистала роскошью: стѣны и панели исчезали подъ золотомъ и богатѣйшей раскраской.

Отецъ Александръ представилъ черезъ своего перевод-

чика письма вице-короля въ небольшой шкатулкѣ, отдѣланной внутри золотой тканью, а снаружи обитой зеленымъ бархатомъ съ бахромой, усѣяннымъ серебряными звѣздами. Письма были написаны на прекрасномъ тонкомъ пергаментѣ съ заставками, запечатаны золотой печатью на двойной нити золотой и серебряной, и заключены въ футляръ изъ полупарчи богатой работы. Императоръ приказалъ прочесть вслухъ письма и перевести ихъ.

Они оканчивались такими словами:

„Посланникъ, котораго я вамъ отправляю, и который вручить вамъ настоящее посланіе, имѣетъ порученіе поблагодарить васъ отъ моего имени за ваше постоянное покровительство добрымъ монахамъ, отправляющимся во все стороны свѣта научить людей пути къ вѣчному блаженству, въ храненіи закона истиннаго Бога, безъ котораго невозможно спастись.

„Это—отецъ Валинано, который имѣетъ честь быть известнымъ Вашему Величеству, такъ какъ прожилъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ вашей Имперіи. По этой причинѣ я его и выбралъ для моего посольства. Ваше Величество не можетъ доставить мнѣ большаго удовольствія, какъ любить и покровительствовать отцамъ миссіонерамъ, какъ вы до сихъ поръ поступали. Я буду вамъ обязанъ за все милости, оказанныя мнѣ, и постараюсь доказать это всеми возможными для меня способами. Я поручилъ моему посланнику предложить вамъ отъ меня два меча и аркебуза новѣйшаго образца, двѣ арабскихъ лошади съ ихъ уборомъ и сбруей, два шатра изъ шитья, затканнаго золотомъ, кинжалъ, который служить также пистолетомъ, и загородный шатерь, сдѣланный въ Индіи по моему заказу въ этомъ году.

По окончаніи чтенія донъ Эдуардъ де-Менезесъ пригласилъ отца Валинано съѣсть совсѣмъ около Императора, а двухъ его спутниковъ—нѣсколько ниже. Прежде чѣмъ исполнить это, посоль поклонился Императору, четверо Японскихъ вельможъ и Португальцы поцѣловали у него руку и потомъ каждый съѣлъ на назначенное ему мѣсто.

Императоръ собственноручно поднесъ посланнику *Какамузу*, одинъ изъ наиболѣе любимыхъ напитковъ, далъ ему сто серебряныхъ пластинокъ, четыре шелковыхъ одежды,

столько же пластинокъ и одежду прочимъ отцамъ іезуитамъ, пять пластинокъ Японскимъ вельможамъ и Португальцамъ, и каждому изъ нихъ по одеждѣ. Два переводчика получили тридцать пластинокъ и по платью. Потомъ Таико удался, приказавъ своему племяннику позаботиться объ пирѣ, на которомъ онъ долженъ былъ предсѣдательствовать.

По окончаніи пиршества, Императоръ велѣлъ привести къ себѣ посланника и спросилъ у него, что дѣлается въ Индіи. Потомъ онъ бесѣдовалъ съ японскими вельможами о томъ, что они видѣли въ Европѣ, пожелалъ услышать ихъ пѣніе и игру на инструментахъ, съ которыми они тамъ познакомились: онъ велѣлъ поставить на дворѣ шатеръ вице-короля и попросилъ одного изъ португальцевъ проѣхать на арабскомъ конѣ, красивая выѣздка котораго очаровала весь Дворъ. Это посольство очень смягчило отношеніе Императора къ христіанамъ,

Втеченіе трехмѣсячнаго пребыванія посланника въ Міако, дворецъ, гдѣ онъ жилъ, былъ непрестанно осаждаемъ посѣтителями обоого пола, стекавшимися со всей окрестности за двадцать, тридцать и даже пятьдесятъ лѣтъ, одни — чтобы послушать рассказы японскихъ вельможъ, другіе — чтобы неповѣдаться и причаститься подъ покровительствомъ отца делегата. Среди многихъ важныхъ особъ, посѣтившихъ его, были лица самаго высшаго ранга, какъ христіане, такъ и язычники. Въ томъ числѣ называютъ: Даинангандоно, племянника Таико, наслѣдника престола; короля Амангуци; короля Хацирандоно, зятя Императора и владѣтеля трехъ королевствъ; князя Канга; князя Ханданокамонъ, короля Изье, пасынка знаменитаго Нобунаги, убитаго въ возмущеніи соединившихся противъ него дворянъ; и много другихъ знатныхъ лицъ.

Покинувъ Міако, отецъ іезуитъ отправился въ Хирато. Гоненіе, во всякомъ случаѣ, было лишь замедлено, и положеніе христіанъ ни въ чемъ не измѣнилось. Они должны были скрывать всѣ слѣды своего культа отъ глазъ полиціи Императора, или приготовиться къ смерти. Въ такихъ обстоятельствахъ, четверо японскихъ пословъ, окончивъ свою миссію и исполнивъ приказанія Святѣйшаго отца, тотчасъ же послѣ того, какъ ими были переданы его подарки коро-

лямъ Аримы, Омуры и Бунго, объявили отцу Валинано свое рѣшеніе вступить въ Общество и настоятельно просили его принять ихъ. Можно судить поэтому, сколько рыцарскаго и благороднаго было въ характерѣ народа, досель еще неизвѣстнаго намъ съ этой стороны. Въ то самое время, когда они видѣли печальное состояніе японской церкви, подъ ударами жесточайшихъ бѣдствій, угрожавшихъ въ особенности отцамъ іезуитамъ, они желали вступить въ такое общество, гдѣ, отрекаясь отъ всѣхъ радостей ихъ возраста и сана, они должны были ждать смерти или скорого изгнанія! Слезы семей не могли отвратить ихъ отъ этого твердаго рѣшенія, хранимаго ими въ тайнѣ втеченіе всего путешествія, пока ими не была окончательно выполнена ихъ миссія. Они даже увлекли съ собой нѣкоторыхъ изъ родныхъ и вступили въ Общество въ 1592 году.

Несмотря на удовольствіе, доставленное Императору подарками вице-короля, онъ опасался какихъ-либо завоевательныхъ плановъ, которымъ могли содѣйствовать миссіонеры. Когда ему говорили, что въ южной Азіи они свободно проповѣдывали повсюду и что всякій могъ тамъ принимать ихъ религію, онъ, разсуждая какъ истый японскій политикъ, говорилъ:—„То же происходитъ и въ Японіи: у насъ каждый можетъ слѣдовать ученію, какое ему нравится. Но такъ какъ наша Имперія—страна Ками и Хотаке, которыхъ не можетъ потерпѣть христіанская религія, то она не годится для Японіи, хотя хороша для Индіи“. И со смутнымъ безпокойствомъ, внушаемымъ ему тѣми, чьихъ враждебныхъ замысловъ онъ невольно опасался, онъ прибавлялъ:—„Но почему же вице-король выбралъ въ качествѣ своего посла одного изъ тѣхъ монаховъ, которыхъ я изгналъ изъ моихъ владѣній?“

Надо сказать, что этотъ знаменитый Императоръ хотѣлъ принудить португальцевъ на Филиппинахъ признать его Государемъ и платить ему дань.

Составивъ планъ завоевать Китай, онъ посадилъ на свое мѣсто племянника, давъ ему имя Камбакондоно, которое до сихъ поръ носилъ. А самъ принялъ имя Таико-Сама, что значить Высочайшій Владыка. Одинъ изъ христіанъ совершилъ чудеса храбрости въ корейской войнѣ; это былъ Донъ Августинъ, одинъ изъ четырехъ генераловъ, командовав-

шихъ войсками. Съегунъ назначилъ ему первому вступить въ эту страну, которой онъ въ скоромъ времени почти овладѣлъ.

Послѣ такого военнаго подвига одного изъ послѣдователей христіанства Юсто Укондоно былъ немедленно возвращенъ изъ изгнанія и возстановленъ во всѣхъ своихъ должностяхъ и званіяхъ. У Таико были свои намѣренія, когда онъ послалъ ихъ на эту войну. Направляя своихъ христіанскихъ феодаловъ въ Китай и Корею, онъ желалъ или отдѣлаться отъ нихъ, въ случаѣ ихъ пораженія, или удалить ихъ, давъ имъ лены въ покоренной странѣ и отправилъ вслѣдъ за ними всѣхъ христіанскихъ князей, отъ которыхъ онъ хотѣлъ очистить свою Имперію. Но одно происшествіе ухудшило положеніе христіанъ, и въ особенности іезуитовъ.

Въ Нагасаки произошли несогласія между Португальцами и однимъ Кастильцемъ, у котораго они удержали за долгъ имущество. Этотъ случай удивительнымъ образомъ измѣнилъ все положеніе дѣлъ. Въ отчаяніи Испанецъ обратился къ отцу Валинано и его спутникамъ, прося ихъ уговорить Португальцевъ возвратитъ принадлежавшія ему вещи. Но онъ ничего не добился. Тогда онъ рѣшилъ погубить ихъ и другихъ съ ними. Онъ выѣхалъ, намѣреваясь пасть къ ногамъ Императора, и проникъ къ нему съ посланными губернатора Филиппинъ. Они только что привезли Императору отказъ въ его требованіяхъ дани, говоря, что ихъ господинъ съ трудомъ повѣрилъ, что это требованіе шло отъ него, *такъ какъ жившіе въ Нагасаки Іезуиты ничего ему не писали объ этомъ.*

Императоръ не былъ готовъ къ войнѣ, такъ какъ большая часть войскъ была имъ оставлена въ Корей; онъ принялъ подарки и велѣлъ прочесть себѣ письмо губернатора. Кастилецъ воспользовался этимъ случаемъ чтобы поговорить съ нимъ о Португальцахъ; онъ разсказалъ, что они были господами въ Нагасаки, одни пользовались всѣми выгодами торговли, что они мѣшали другимъ купцамъ приставать здѣсь, совершали насилія и притѣсненія подданнымъ Его Величества, что они покровительствовали миссіонерамъ и удерживали ихъ въ странѣ, несмотря на сдѣланное имъ запрещеніе.

Рѣчь эта привела Императора въ такой гнѣвъ, что немногаго недоставало, чтобы онъ послалъ немедленно арестовать Іезуитовъ и Португальцевъ для преданія ихъ на смерть.

Въ Нагасаки былъ посланъ новый правитель. Онъ имѣлъ приказъ разрушить церкви и жилище іезуитовъ, развалины которыхъ были перенесены въ Нангойю, и также навести справки о несправедливыхъ поступкахъ приписываемыхъ Португальцамъ. Это было въ 1592 году. Но изслѣдованіе не открыло ничего преступнаго и не имѣло послѣдствій. Тѣмъ не менѣе при Дворѣ узнали, что христіане были имъ раздражены. Въ Японіи каждый имѣетъ право носить съ двѣнадцатилѣтняго возраста саблю и кинжалъ. Таико, боясь, чтобы христіане не запаслись оружіемъ, для возбужденія смуты въ то время, когда армія была занята въ Корей, приказалъ разоружить всѣхъ христіанъ въ Нагасаки и сосѣднихъ княжествахъ. Онъ прибавлялъ, чтобы начальники безъ всякаго суда распинали тѣхъ, кто откажется повиноваться его приказамъ.

Итакъ, японскіе христіане съ горечью увидѣли себя лишенными самого дорогого для нихъ права. Они однако не смѣли жаловаться на это, чтобы не навлечь на себя новыхъ бѣдъ. Но въ это же время, благодаря особой ли милости Неба, или покровительству людей, то, что разрушалось съ одной стороны, воздвигалось съ другой: Францисканцы, прибывшіе въ 1593 году со вторымъ посольствомъ губернатора Филиппинъ, строили церкви и монастыри въ Міако и Оозакѣ. Обращенія также не прекращались.

Первые мученики.

Отецъ Мельхіоръ, посвященный въ Гоа въ епископа Японіи, умеръ въ Макао въ то время, какъ готовился къ отплытію на мѣсто своего служенія. Вслѣдствіе сего, Святѣйшій Отецъ назначилъ на это мѣсто Себастьяна Моралеса, бывшаго въ то время Провинціаломъ Общества въ Португаліи. Онъ былъ посвященъ въ Лиссабонѣ и выѣхалъ въ томъ же году. Но ему пришлось перезимовать въ Мозамбикѣ и тамъ добрый прелать скончался отъ тяжестей путешествія и нездороваго воздуха этой страны.

Получивъ извѣстіе о его смерти, Піпъ V назначилъ на его

мѣсто Петра Мартинца, Провинціала Индіи, а ему даль въ преемники, въ случаѣ подобнаго несчастья, Людовика Серкеры, профессора богословія въ Эборѣ, который отплылъ на Востокъ въ 1594 г.

Мартинецъ выѣхалъ изъ Гоа въ 1595 году. Онъ благополучно прибылъ 13 Августа слѣдующаго года съ шестью монахами Общества, взятыми имъ въ Китаѣ. Онъ везъ письма и подарки Императору отъ вице-короля и былъ встрѣченъ въ портѣ Нагасаки со всѣмъ церковнымъ великолѣпіемъ. Донъ Августинъ, возвращавшійся въ это время изъ корейской экспедиціи съ титуломъ адмирала японскихъ морей и китайскаго посланника, свернулъ съ дороги, чтобы попросить у него благословенія, и снабдилъ его припасами на время пребыванія и средствами на путешествіе въ Міако. Другіе вельможи также приняли въ этомъ участіе. Вообще, несмотря на то, что христіанская религія была гонима, и что чрезвычайно опасно было исповѣдывать ее, собраніе вѣрныхъ, стекшихся къ ногамъ посланника Христова, прося его благословенія, было такъ велико, что добрый отецъ въ восхищеніи проливалъ радостныя слезы. Настолько рвеніе и набожность Японцевъ превосходили все, что ему было раньше о нихъ сказано.

Императоръ находился въ это время въ Фузимп. Пославъ извѣстить о себѣ, прелать отправился туда. Онъ прибылъ въ 1596 году въ сопровожденіи двухъ священниковъ Іезуитовъ и нѣсколькихъ Португальцевъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и церемоній онъ передалъ Таико письма и подарки вице-короля. Пріемъ продолжался недолго. Императоръ, предложивъ достойнѣйшему епископу чаю, отпустилъ его со знаками благоволенія. Послѣдній совершилъ таинство причащенія для христіанъ Міако, собравшихся къ нему со всѣхъ окрестностей, и вернулся въ Нагасаки.

Въ это же время произошелъ случай, имѣвшій чрезвычайно важное значеніе для страны, какъ съ политической, такъ и съ религіозной точекъ зрѣнія.

Большой испанскій галіонъ, El San Felipo, шедшій изъ Филиппинъ въ Новую Испанію съ богатѣйшимъ грузомъ, поравнявшись съ Гоа, былъ занесенъ обратно къ островамъ, а затѣмъ къ берегамъ Японіи, гдѣ ему пришлось бросить якорь. Онъ прибылъ въ портъ Урандо въ королевствѣ Тоца.

безъ мачтъ, безъ парусовъ и безъ руля, имѣя отовсюду течь. Онъ везъ четырехъ монаховъ ордена Св. Августина и одного доминиканца. Командоваль имъ донъ Матіасъ де Жан-дехо.

Нуждаясь въ работникахъ для починки корабля, командиръ отправилъ своихъ мичмана и боцмана съ двумя отцами францисканцами и секретаремъ короля Тозы отвезти богатые подарки Таико и его четыремъ министрамъ, чтобы получить позволеніе остаться въ Японіи на время, необходимое для починки галіона. Но у Императора тотчасъ возникла мысль завладѣть этимъ галіономъ. Съ этой цѣлью онъ отправилъ Маситу Йемондоно, одного изъ четырехъ чиновниковъ, которымъ король Тозы поручилъ посланцевъ дона Матіаса. Это онъ уговорилъ Императора овладѣть кораблемъ, обѣщавъ взять на себя исполненіе этого предпріятія.

Испанскій корабль везъ оружіе, солдатъ и священниковъ; одного этого было достаточно, чтобы возбудить недовѣріе Таико. Отецъ комиссаръ и Испанцы съ нетерпѣніемъ ждали благоприятнаго отвѣта, на который, изъ предосторожности конечно, подавалъ имъ надежду Масита. Они были чрезвычайно удивлены, когда, спросивъ его, они получили отвѣтъ, что капитанъ галіона нарушилъ свои обязанности и поэтому долженъ былъ отправиться отдать лично отчетъ въ своемъ поведеніи.—„Что же касается меня, прибавилъ японскій посланецъ, я возвращаюсь на мой постъ въ портъ Урандо, чтобы привести все въ порядокъ“.

Испанцы, однако, имѣли при себѣ жалованныя грамоты, которыми три года тому назадъ Таико разрѣшалъ свободно торговать въ Японіи ихъ соотечественникамъ Филиппинцамъ. Представивъ ихъ Генифоа, вице-королю Міако, они считали себя гарантированными отъ всякихъ покушеній отчужденія, или конфискаціи ихъ имущества.

Находившійся въ Міако епископъ Японіи предложилъ ему отъ себя и отъ всѣхъ монаховъ поддержку у Императора. Отецъ комиссаръ, полагавшійся на свои жалованныя грамоты и надѣясь на Генифоа, поблагодарилъ его, такъ какъ не предвидѣлъ никакой опасности. Но она еще не кончилась.

Прибывъ въ Урандо, Масита распорядился исполненіемъ императорскаго приказа. Командиръ старался всячески

воспрепятствовать захвату корабля, доказывая посланнику, что Испанцы имѣли дозволеніе торговать въ Японіи. Тотъ, казалось, слушалъ его и склонялся на его доводы. Потомъ, во время разговора, онъ спросилъ его: „Къ одной ли націи принадлежать Испанцы и Португальцы? Одному ли королю принадлежать Перу, Филиппины, Новая Испанія и Восточная Индія?“ Довольный тѣмъ, что можетъ разыграть ученаго, донъ Матиасъ отвѣчалъ, что Испанцы и Португальцы были двѣ совершенно различныя націи. Воодушевленный справедливымъ чувствомъ національной гордости, онъ объяснилъ, что первые были воинами и рыцарями, тогда какъ вторые были только людьми торговыхъ расчетовъ.

На второй же вопросъ онъ отвѣчалъ, что одинъ король властвовалъ надъ всею Восточной и Западной Индіей, и, желая въ своемъ патріотическомъ усердіи дать Японцу болѣе высокое и вѣрное понятіе о своей родинѣ, онъ развернулъ предъ нимъ географическую карту и указалъ съ напыщенностью южанина всѣ земли, повинующіяся Его Величеству Высоко-католическому Монарху.

Императорскій чиновникъ сначала, казалось, былъ изумленъ. Онъ долго рассматривалъ обширное пространство земель, зависящихъ отъ этого государя. Потомъ въ его умѣ погруженномъ въ размышленіе блеснула яркая мысль: окинувъ взглядомъ громадное пространство земель, изображенное на бумагѣ, и смотря на нихъ какъ на рядъ государствъ, подчиненныхъ одному господину, онъ пробудился, указалъ испанскому капитану на всѣ эти земли, наполнявшія два полушарія, и сказалъ ему:—„Но какимъ образомъ вашъ король завоевалъ ихъ?“

Испанецъ думалъ, что его собесѣдникъ пораженъ изумленіемъ и восхищеніемъ и неосмотрительно отвѣчалъ ему, что король, его господинъ, послалъ во всѣ эти страны множество монаховъ—миссіонеровъ для проповѣди Евангелія, и они обратили большое число жителей; что тогда были отправлены отряды, которые, соединившись съ новыми христіанами, покорили мѣстныхъ королей и овладѣли ихъ странами.

Сопровождавшій Маситу король Тозы былъ не менѣе его пораженъ этой рѣчью. Они послали донести о ней Таико, который немедленно же принялъ рѣшеніе искоренить всѣхъ

христіанъ, чтобы обезпечить за собой корону. Онъ поздравлялъ себя, что обезоружилъ столь многочисленныхъ христіанъ Симо, составлявшаго девять королевствъ, и что отправилъ въ Корею ихъ главнѣйшихъ вельможъ. Тѣмъ не менѣе онъ еще терпѣлъ отцовъ Іезуитовъ, ведшихъ втайнѣ свою дѣятельность, между тѣмъ какъ четверо Францисканцевъ Посольства выступали еще очень замѣтно. Но глупая или злостная неосторожность кастильскаго капитана возбудила въ Императорѣ всевозможныя подозрѣнія и побудила его на крайнія дѣйствія.

Въ ночь на 9 Декабря 1596 года Императоръ приказалъ губернатору Оозаки поставить стражу у жилищъ монаховъ св. Франциска и отцовъ Іезуитовъ. Въ Японіи такимъ образомъ держатъ въ заключеніи важныхъ лицъ. Тотъ же приказъ отданъ былъ и въ Міако, съ повелѣніемъ составить списокъ всѣхъ христіанъ, посѣщавшихъ Церковь босоногихъ монаховъ св. Франциска. Къ счастью для отцовъ, они всѣ почти были въ разъѣздѣ также, какъ и Доминиканцы, изъ числа которыхъ застали въ монастырѣ Портункульской Богоматери только пятерыхъ, именно: отца Батиста, комиссара, отца Франциска Ле-Блана, братьевъ Гонзалеца Гарсію, Франциска де-Санъ-Мишеля и Филиппа Де-Ла-Казу. Последній пріѣхалъ на испанскомъ галіонѣ и жилъ въ Оозакѣ въ Вифлеемскомъ монастырѣ. Въ этомъ же городѣ были арестованы отецъ Мартинъ де-Люинъ и два послушника.

11 Декабря Танко, призвавъ губернатора Гибоноціо, приказалъ ему умертвить всѣхъ монаховъ; а такъ какъ Японцы имѣли обыкновеніе называть такъ вообще христіанъ, то общее мнѣніе было таково, что приговоръ распространялся на всѣхъ. Тогда каждый сталъ готовиться съ пламеннымъ рвеніемъ къ мученичеству подобно святымъ первенствующей Церкви, возродившимся въ Японскихъ христіанахъ.

Однако, къ счастью, у Гибоноціо, любившаго христіанъ, возникли на этотъ счетъ сомнѣнія. Онъ зналъ, что Императоръ не желалъ прерывать сношеній съ Португальцами, которые никогда бы не вернулись въ Японію, если бы здѣсь не было монаховъ Общества для совершенія Таинствъ; наконецъ онъ отдавалъ полную справедливость благоразумному и сдержанному поведенію миссіонеровъ, никогда не отказывавшихъ ему въ должномъ почтеніи и повиновеніи.

Поэтому губернаторъ отправился къ Таико попросить у него объясненія данному приказу.—„Государь, сказалъ онъ, Ваше Величество приказали мнѣ умертвить всѣхъ монаховъ. Я бы желалъ знать, чтобы исполнить въ точности Ваши повелѣнія, о какихъ монахахъ Вы говорили, и входятъ ли въ это число тѣ, которые приѣзжаютъ на Португальскихъ корабляхъ?“

Таико отвѣчалъ ему: „Я осудилъ только приѣхавшихъ съ посольствомъ, такъ какъ я открылъ, что эти пришлые проповѣдники привели въ зависимость отъ Испанскаго короля Мексику и Филиппины, и съ такимъ же намѣреніемъ высадились въ Японіи. Но они не приняли въ расчетъ меня. Они увидятъ, что значить смѣяться надъ Таико! — Если бы я одобрялъ проповѣдуемый ими законъ, прибавилъ онъ, то я гораздо охотнѣе далъ бы позволеніе изъяснять его моему переводчику отцу Родригецу и монахамъ его Общества, втеченіе десяти лѣтъ подчинявшимся моимъ приказамъ, чѣмъ этимъ пришельцамъ, которые открыто ихъ нарушили“.

Въ то же время онъ поручилъ Гибоноціо обѣщать свое покровительство епископу отцу Родригецу и Іезуитамъ всей Имперіи и приказалъ дать имъ фрегатъ для отъѣзда.

Шесть францисканскихъ монаховъ, три Іезуита, арестованныхъ въ Міако, гдѣ по особой милости имѣлъ право жить только отецъ Органтинъ, какъ въ Оосакѣ отецъ Родригецъ, и семнадцать христіанъ, жившихъ съ монахами св. Франциска, были осуждены на смерть. Имъ отрѣзали носы и уши. Послѣ этой жестокой операціи ихъ повезли въ тележкахъ, по три человѣка на каждой по главнымъ улицамъ Міако. Передъ ними офицеръ несъ на концѣ пика большое объявленіе, гдѣ былъ написанъ имъ приговоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Таико Сама.

„Я осудилъ на смерть этихъ людей, потому что они приѣхали съ Филиппинъ въ Японію, назвавшись послами, хотя въ дѣйствительности не были ими; потому что они жили на моихъ земляхъ безъ моего позволенія и, несмотря на мое

запрещеніе, проповѣдывали ученіе христіанъ. Я желаю, чтобы они были распяты въ Нагасаки“.

По просьбѣ Португальцевъ осужденные были казнены не на обычномъ мѣстѣ казней, гдѣ уже были поставлены кресты, а на одномъ холмѣ въ окрестностяхъ города. Отцы Родригесъ и Пассій одни получили позволеніе присутствовать на этомъ печальномъ торжествѣ; стража окружала мѣсто казни— новую Голгоѳу, куда жертвы шли съ пѣніемъ гимновъ въ честь Голгоѳскаго Страдальца.

Среди нихъ изъ Европейцевъ были только босоногіе отцы Францисканцы, а прочіе всѣ — Японцы: вмѣстѣ съ мірянами ихъ было двадцать человѣкъ. Десять изъ нихъ были помѣщены по правую сторону Францисканцевъ и десять по лѣвую. Когда эти доблестные воины католической вѣры были привязаны ко крестамъ, обмотанные веревками кругомъ шеи, рукъ, ногъ и всего туловища, ихъ палачи приблизились, чтобы по обычаю разомъ пронзить всѣхъ копьями.

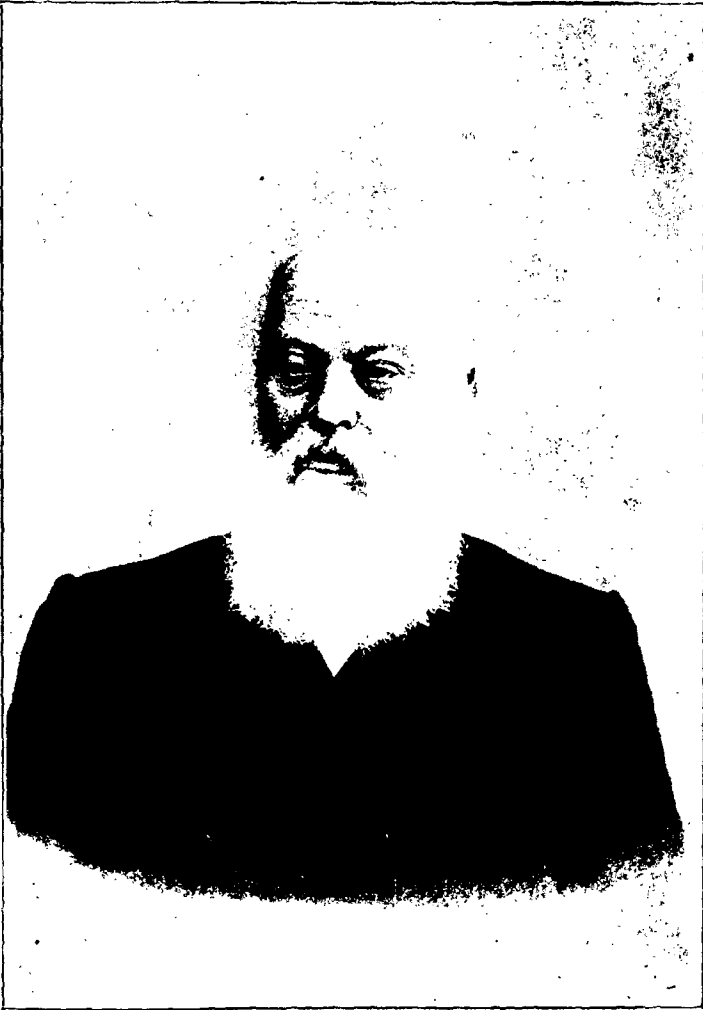
Величайшее мужество выказали трое дѣтей, какъ во время казни, такъ и въ предшествующемъ ей скорбномъ пути. Это такъ глубоко потрясло христіанъ, толпа которыхъ издали смотрѣла на плачевное зрѣлище, что они всѣ желали бы умереть съ ними. Когда кресты были вставлены въ приготовленныя для нихъ ямы и наступилъ ужасный моментъ казни, тогда, вмѣстѣ съ кровью, лившеюся изъ смертельныхъ ранъ, открытыхъ копьями палачей, изъ груди всѣхъ вырвались вопли, рыданія съ дрожью и невыразимые порывы горя и жалобъ. Это былъ смутный гулъ криковъ и стонувъ, наполнявшихъ воздухъ и пронзавшихъ душу. Мученики умирали, воспѣвая хвалу Богу, молясь и предавая свои души на вѣчную жизнь.

Безгранично было горе Японцевъ. Пренебрегая самымъ дурнымъ обращеніемъ, они старались достать какія-нибудь реликвіи отъ мучениковъ. Ихъ благочестивая жадность не знала границъ; они оставили монаховъ на крестахъ почти нагими, собравъ ихъ кровь и одежды. Этотъ славный подвигъ за вѣру показалъ высокія душевныя качества народа, надъ которымъ мы, видя одну вяѣшность, часто расположены смѣяться; онъ доказалъ, что восточный энтузіазмъ способенъ на самоотверженіе и всякія жертвы. Это траги-

ческое и памятное событіе произошло въ Нагасаки, въ февралѣ 1597 года.

Въ 1627 году папа Урбанъ VIII включилъ въ число святыхъ отцовъ монашескаго ордена св. Франциска и трехъ лезуитовъ. Память ихъ празднуется 5 февраля, въ годовщину ихъ мученичества.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Павелъ Ивановичъ
ГОРСКІЙ-ПЛАТОНОВЪ.